

*М. М. Гухман, В. А. Звегинцев,
П. С. Кузнецов и Б. А. Серебренников*

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА ¹

(ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ)

В течение значительного времени лингвистическая теория акад. Н. Я. Марра и его „учеников“ тормозила развитие марксистского языкознания. Отрицание языка как структурного целого, пренебрежение к изучению конкретных форм и путей развития языков, стремление вскрыть за структурным многообразием языков универсальные общие начала вездесущей семантики, практика сопоставительно-типологического изучения языков на основе метафизических понятийных категорий, нивелирующих качественное своеобразие языков, — все это привело к тому, что в языкознании была внесена теоретическая неразбериха, изучение языков проводилось на базе неправильных формул, противоречащих всему ходу истории народов и языков.

В работах И. В. Сталина по языкознанию разоблачена вульгаризаторская и антимарксистская сущность концепций Н. Я. Марра. Вместе с тем в них разработана система марксистского языкознания, которая создает все необходимые условия для того, чтобы советская наука о языке смогла занять первое место в мировом языкознании. Ведущее место в исследовательской проблематике марксистского языкознания отводится изучению внутренних законов развития языка. Эту проблему И. В. Сталин называет главной задачей языкознания.

Понятие внутренних законов развития языка в сталинском его истолковании является совершенно новым для лингвистики, и поэтому первоначально оказалось необходимым творчески осмыслить его в системе марксистского языкознания. В соответствии с этим первые

¹ Доклад, прочитанный 26 июня 1952 г. на Объединенной научной сессии Карело-Финского филиала АН СССР, Карело-Финского государственного университета и Министерства просвещения Карело-Финской ССР, посвященной второй годовщине выхода в свет труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Настоящий текст представляет собой несколько видоизмененный и дополненный Б. А. Серебренниковым вариант коллективного доклада М. М. Гухман, В. А. Звегинцева, П. С. Кузнецова и Б. А. Серебренникова, прочитанного 18-го июня 1952 года на открытом расширенном заседании Ученого Совета Института языкознания АН СССР, посвященном 2-летней годовщине со дня выхода в свет работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

Изменения выразились главным образом в конкретизации некоторых формулировок и введении примеров из финно-угорских языков за счет изъятия части примеров из индоевропейских языков с целью приближения содержания доклада к интересам финноугроведов. Основные установки доклада сохранены полностью.

работы советских языковедов в этой области были направлены на раскрытие самого понятия внутренних законов, на определение границы проблемы и отмежевание ее от сопредельных областей исследования. Выполнение этой важной и необходимой предварительной работы осуществлялось на протяжении 1951 года, когда состоялись специально посвященные этой проблеме доклады, а также дискуссия в МГУ, привлекившие большое количество московских лингвистов. Первые попытки определения нового понятия не всегда можно признать удовлетворительными, так как в них в одних случаях проводилось отождествление внутренних законов развития языка с универсальными языковыми явлениями типа аналогии, а в других случаях решение этой проблемы переносилось на почву социальных категорий.

Ряд печатных выступлений этого предварительного периода, и в особенности работы акад. В. В. Виноградова, фиксировали некоторые моменты, бесспорность которых может быть принята. Но, с другой стороны, определился круг вопросов, которые, хотя и представлялись чрезвычайно важными для проблемы внутренних законов развития языка, не получили тогда еще сколько-нибудь исчерпывающего разрешения и нередко истолковывались противоречивым образом. К числу важнейших выявившихся положений, разрабатывающихся в этот период, относятся следующие:

1. Внутренние законы развития языка соотносятся с качеством языка. „Внутренние законы развития языка, — пишет в этой связи акад. В. В. Виноградов, — сказываются в сохранении языком своего качества, в сохранении и развитии им своего грамматического строя и своего основного словарного фонда“.¹ Сохранение языком своего качества следует понимать в том смысле, что все факты развития языка обуславливаются в своих направлениях и в формах развития качественными особенностями данного языка. Отсюда следует, что внутренние законы развития языка — это законы развертывания и совершенствования основных элементов языка, в процессе чего в нем происходят постепенные качественные изменения.

2. В силу своей прямой ответственности с качеством языка, внутренние законы развития языка характеризуют и сохраняют национальную самобытность языка в его историческом движении. „Наличие внутренних законов развития языка является важнейшим условием сохранения самобытности языка, его специфики как национального языка“ (В. В. Виноградов).²

3. В развитии языков вскрываются законы двоякого порядка. Во-первых, законы, свойственные языку вообще как общественному явлению особого порядка, и, во-вторых, законы, являющиеся принадлежностью конкретных языков (или группы родственных языков) и в первую очередь соотносимые с качеством языка. Однако в толковании взаимоотношений законов развития языка указанных двух порядков не было четкости, они нередко отрывались друг от друга, понимались неоднозначным образом, почему этот вопрос в дальнейшем оказался в центре оживленного обсуждения.

4. Поскольку система языка включает компоненты, обладающие особой спецификой в своей природе и формах развития (граммати-

¹ Новый этап в развитии советского языкознания. „Литературная газета“ от 19 июля 1951 года.

² Там же.

ческий строй, словарный состав), постольку высказывались предположения о наличии особых внутренних законов для каждой из этих сторон языка, и даже возможность существования вполне регулярных процессов развития, не связанных с внутренними законами языка.

Подобного рода процессы, в частности, указывались в области фонетики. Фонетические процессы не всегда наглядно обнаруживают свою связь с другими компонентами языка, что и приводило к неправомерному и чисто механическому исключению многих фонетических процессов из внутренних законов развития данного языка или же к установлению абсолютно автономных внутренних законов, замыкающихся только в сфере фонетики.

5. Первый опыт работы над проблемой внутренних законов развития языка показал огромную значимость этого введенного И. В. Сталиным понятия для сравнительного изучения родственных языков. Указывалось на то, что изучение родственных языков с учетом внутренних законов их развития есть реальный и прямой путь к совершенствованию метода сравнительно-исторического языкознания, — обладающего, как это отметил И. В. Сталин, значительными недостатками. Однако дальше простой констатации в этом направлении дело не пошло, и вопрос о решении этой частной проблемы также остался открытым.

Таков тот основной круг вопросов, в котором замкнулось исследование этой проблемы на первом этапе ее разработки. Во многом здесь вопросы только ставились, но не получали своего разрешения, так как обсуждение их проводилось в общем плане, без опоры на конкретный языковой материал. Совершенно естественно, что отсутствие достаточно прочной конкретной базы, отвлеченный характер обсуждения данной проблемы не могли дать более или менее четкого определения самой сущности внутреннего закона, что следует признать основным недостатком всех первых работ, касавшихся этой проблемы. Было не совсем ясно, что же нужно считать внутренним законом развития языка, какие явления в языке можно отнести к внутренним законам его развития и какие из них совершенно не подходят под это определение. Отсутствие единого понимания сущности внутреннего закона естественно вызвало необычайный разноречивый характер мнений, чем и объяснялась чрезвычайно малая эффективность дискуссий и докладов, посвященных этому вопросу.

Переломный момент в разработке проблемы внутренних законов развития языка наступил в феврале 1952 года, когда Институтом языкознания в Ленинграде и Москве была проведена свободная дискуссия с активным участием широких кругов языковедов, вызвавшая большой интерес среди научных работников, преподавателей и студентов.

Большая подготовительная работа, проведенная Институтом языкознания и выразившаяся в многократных предварительных обсуждениях выносимых на дискуссию докладов, дала возможность установить прочные точки опоры для решения на основе обширного и разнообразного языкового материала основных проблем внутренних законов развития языка, определить конкретные пути разрешения другой группы вопросов и наметить перспективы дальнейшей разработки этой проблемы. Тем самым был сделан новый шаг в деле построения системы марксистского языкознания.

В ходе дискуссии по вопросу о внутренних законах развития языка удалось прийти к некоторым, вполне определенным выводам,

не встретившим принципиальных возражений со стороны лингвистов. Эти выводы в настоящее время могут служить основой для развертывания исследовательской работы в области дальнейшего изучения проблемы.

При всей зависимости языка, закономерностей его исторического движения от развития общества, что естественно для всяких общественных явлений, языку как специфическому общественному явлению присущи свои собственные внутренние законы развития.

Совершенно естественно, что язык, обслуживая общество, не может не отражать в той или иной мере характер самого общества, тех исторических условий, в которых оно развивается, поскольку общество, пользуясь языком, не может относиться к нему с полным безразличием.

Носители языка постоянно обогащают язык новыми словами в зависимости от возникновения новых потребностей общения и жизненной практики.

„Этим прежде всего и объясняется, — говорит И. В. Сталин, — что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“.¹

Но у различных общественных явлений, помимо общего, имеются свои специфические особенности.

В письме к К. Шмидту (от 27 октября 1890 г.) Ф. Энгельс говорит о необходимости при исследовании тех или иных частных проявлений общественной жизни, „отдельных процессов труда“, отдельных идеологических надстроек, считаться со своеобразиями их „самодвижения“, их собственного движения, с самостоятельными законами, вытекающими из природы, из специфики этих явлений“.²

„Специфические особенности базиса, — говорит И. В. Сталин, — состоят в том, что он обслуживает общество экономически. Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения. В чем же состоят специфические особенности языка, отличающие его от других общественных явлений? Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки — языкознания“.³

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах. Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 471.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 35—36.

Характер внутренних законов развития каждого общественного явления в отдельности связан прежде всего с его ролью в обслуживании общества.

Так, например, если функция надстройки сводится к обслуживанию общества политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями, то совершенно естественно, что развитие путем скачков и взрывов является одной из характерных особенностей развития надстроек в условиях антагонистических формаций.

Если основная функция языка сводится к обслуживанию им общества в качестве средства общения между людьми, то вышеуказанная закономерность развития уже неприменима к языку, так как наличие ее сделало бы невозможным осуществление самой этой функции. Развитие языка путем постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества является поэтому одним из внутренних законов развития языка, как специфического общественного явления.

Каждый язык на земном шаре, где бы он ни находился и каковы бы ни были его носители, выполняет функцию общения между людьми. Поэтому внутренние законы языка как общественного явления распространяются на все языки. Такого рода законы можно назвать общими внутренними законами развития языка.

К общим внутренним законам развития языка можно отнести также закон неравномерности развития отдельных компонентов системы языка, закон постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества, закон устойчивости „основы языка“.

К общим внутренним законам развития языка, хотя и иного порядка, могут быть также отнесены те взаимоисключающие противоречивые тенденции к типизации, с одной стороны, и дифференциации, преодолению омонимии, с другой стороны, которые тоже выступают в развитии всех языков.

Эти законы проявляются на всех этапах развития языка, во все периоды его истории. Отличительная особенность общих законов развития языка состоит в том, что они наблюдаются в развитии всех языков: например, закон постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества или закон неравномерности развития различных компонентов языка присущи всем языкам.

От общих внутренних законов развития языка как специфического общественного явления следует отграничить внутренние законы каждого конкретного языка, являющиеся характерными для данного языка и отличающие его от других языков.

Важнейшим достижением дискуссии необходимо признать установление неразрывного единства внутренних законов развития, свойственных всем языкам, и внутренних законов развития конкретных языков. Хотя внутренние законы развития каждого отдельного языка отграничиваются от общих внутренних законов развития, присущих всякому языку как общественному явлению, но в то же время внутренние законы развития каждого языка неотделимы от общих внутренних законов развития языка и представляют собой специфические и частные проявления последних в структуре различных языков. Общее неотделимо от особенного, отдельного, и в отдельном обнаруживается общее. „Некоторые определения,— писал К. Маркс,—

общие как для новейшей, так и для древнейшей эпохи. Без них немислимо никакое производство. Однако хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, по именно это отличие от всеобщего и составляет закон их развития".

Некоторые языковеды в настоящее время еще нечетко представляют сущность самого понятия закона. Так, например, один лингвист утверждал, что к внутренним законам развития языка следует отнести такие, по его мнению, законы, как закон максимального удовлетворения языком потребностей общения, закон перехода одного качества в другое качество и т. п. Совершенно естественно, что вышеуказанные явления ничего общего не имеют с внутренними законами развития языка как особого общественного явления.

Внутренний закон развития не касается самого состояния или свойства явления. Постоянный переход из одного качественного состояния в другое есть условие существования материи вообще. Закон должен прежде всего характеризовать динамику развития и отвечать на вопрос, как, каким образом совершается переход из одного качественного состояния в другое. Язык тем и отличается от других общественных явлений, что пути и способы перехода из одного состояния в другое в языке и в других общественных явлениях далеко не одинаковы. Точно так же они неодинаковы и в разных конкретных языках при всей сохранности в них общих внутренних законов развития, присущих языку как особому общественному явлению.

Этим и оправдывается правомерность различения общих внутренних законов развития языка как особого общественного явления и внутренних законов развития каждого конкретного языка в отдельности. Поясним это положение на некоторых примерах. В развитии фонетической системы греческого языка резко обозначилась тенденция к сужению гласных. Унификация древних основ, связанная с значительными изменениями морфологического строя и фонетической системы, несомненно является внутренним законом развития русского языка, отличающим его, например, от татарского, в котором этого явления вообще никогда не наблюдалось.

Обогащение словарного состава языка путем создания новых лексических единиц на базе словосложения характеризует развитие немецкого языка. Этот способ развития словарного состава немецкого языка может рассматриваться как один из его внутренних законов развития, в отличие, например, от французского языка.

Однако во всех этих явлениях, каким бы разнообразием они ни отличались, нетрудно усмотреть частные проявления закономерностей, присущих всем языкам.

Так, например, унификация древних основ несомненно связана с действием законов типизации, присущих языку как особому общественному явлению. Медленность и постепенность этого процесса, ведущего к перестройке всей системы склонения, постепенное проявление результатов этой тенденции к унификации древних основ отражает закон постепенного накопления нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества, упорное сохранение этой тенденции на протяжении многих десятков лет свидетельствует о проявлении общего закона устойчивости качества языка.

Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому (акад. В. В. Виноградов). Внут-

ренние законы развития языка проявляются в частных изменениях и составляют сущность этих изменений. Они выражаются в формулах, обобщающих закономерности и тенденции исторического развития языка.

Поэтому внутренние законы развития конкретного языка в определенную историческую эпоху можно представить как закономерные линии в развитии различных составных частей его структуры, имеющие регулярный и устойчивый характер в своем проявлении.

Выражение внутреннего закона развития языка в системе материальных средств языка может отличаться большим разнообразием. Так, например, закон падения редуцированных в русском языке распространялся на разные типы гласных. Редукция конечных гласных в истории немецкого языка, являвшаяся внутренним законом его развития, подчиняла себе различные типы гласных. Внутренний закон развития мордовского языка, заключающийся в закономерном стремлении к выражению многократного и однократного вида посредством специальных глагольных суффиксов при отсутствии выражения совершенности или несовершенности действия, находит свое выражение в различного рода суффиксальных образованиях; ср. суффиксы многократного вида *ле, не, се, кшне*: например, *кантлемс* „носить“ (многократно), *лиснемс* „выходить“ (многократно), *совсемс* „входить“ (многократно), *ловнокшномс* „почитывать“ и т. д.

Поэтому внутренний закон развития языка всегда шире отдельного частного явления. Несмотря на большое разнообразие частных изменений, внутренняя сущность этих изменений остается одной и той же, поскольку все они являются выражением одного внутреннего закона развития данного языка.

Внутренние законы развития конкретного языка определяют национально-индивидуальное своеобразие истории данного конкретного языка, поскольку развитие и совершенствование каждого языка осуществляется по его внутренним законам развития. Так, например, в области лексики совершенствование языка выражается в развитии, обогащении его словарного состава. „Словарный состав, — замечает И. В. Сталин, — отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык“.¹ Обогащение же словарного состава каждого языка осуществляется по внутренним законам его развития: новые слова, возникающие в языке в связи с развитием общества, развитием культуры, техники, производства и т. д., образуются на базе основного словарного фонда языка по существующим и действующим в языке образцам. Именно поэтому столь различны в современных языках словообразовательные средства и приемы: в одних языках, как например в армянском, преобладает словосложение, в других, как например в русском, огромную роль играют фразеологические единицы, типа *Советская Армия, красный уголок, дом отдыха* и т. д. Существующие и действующие в языке словообразовательные и словоизменительные образцы являются не только правилами функционирования языка, но вместе с тем и отражениями различных внутренних законов его развития.

С другой стороны, и развитие словообразовательных типов определяется внутренними законами развития языка, причем здесь с особенной интенсивностью выступает тесная связь словообразовательных

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

процессов с закономерностями развития грамматического строя. Так, в истории немецкого языка процесс развития новых словообразовательных суффиксов имен на базе второго компонента сложного слова был тесно связан с непродуктивностью старых словообразовательных формативов, обусловленной распадом древней структуры слова и перестройкой именного склонения.

Поэтому язык на протяжении всей своей истории сохраняет свой самобытный характер. Подвергаясь процессам скрещивания, язык, если он оказывается победителем, отнюдь не утрачивает своей самобытности. „Так было, — замечает И. В. Сталин, — например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основную словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития¹. Внутренние законы развития языка охватывают все элементы языка — фонетику, грамматику и лексику.

Каждая сфера в языке может иметь свои внутренние законы. Поэтому можно говорить о внутренних законах фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Так, например, закон падения редуцированных в истории русского языка несомненно следует отнести к внутренним законам развития фонетики этого языка. Становление рамочной конструкции в немецком языке может быть определено как внутренний закон развития синтаксиса немецкого языка. Унификация основ в истории русского языка может быть названа внутренним законом его морфологии, тогда как ярко выраженная тенденция к синонимичным повторам и парным сочетаниям в бурят-монгольском языке может быть названа внутренним законом развития словарного состава этого языка.

Сильная тенденция к образованию всякого рода дифтонгов, появлявшихся в результате преобразования различных групп согласных, дифтонгизации древних долгих гласных и за счет выпадения согласных в положении между гласными, несомненно некогда представляла внутренний закон развития фонетической системы финского языка.

Развитие элементов синтетического строя несомненно некогда наблюдалось в развитии морфологии осетинского языка, где, несмотря на разрушение падежной системы еще в иранском языке-основе, оформляется новая синтетическая система склонения по типу агглютинативных языков. Тенденция к синтетизму в развитии осетинского склонения в определенный период его истории может быть названа внутренним законом развития морфологии осетинского языка. Однако не каждое отдельное изменение и даже не каждая тенденция развития перерастает во внутренний закон развития языка. В развитии языков вскрываются явления, которые не получают в них развернутого и всестороннего выражения, остаются в его истории единичными фактами и замыкаются в тесном кругу явлений. Во многих древне-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

германских языках наличествовал префиксальный элемент *da, di, de*, использовавшийся при противопоставлении с беспрефиксальными глаголами для выражения видовых значений, но это явление не только не получило развития в дальнейшей истории германских языков, но и вообще исчезло.

В древнее прибалтийско-финское время гласные первого слога обнаруживали некоторые чередования, например, *pałaa* „гореть“, *połtaa* „сжечь“.

Однако эти случаи были настолько редки, что не обнаруживали сколько-нибудь закономерной тенденции к использованию чередования гласных в роли различителей значения слов и форм, как это имело место в индоевропейских языках.

В некоторых финно-угорских языках, например, в коми, удмуртском и других, одно время намечалось выражение длительного несовершенного действия посредством аналитических прошедших времен, составленных из вспомогательного глагола „быть“ и форм настоящего времени главного глагола; ср. например, в коми языке образования типа *сийо муно вол* „он шел“, *ми уджалам вол* „мы работали“, удмуртское *мынэ вал* „он шел“, марийское *возеш ыле* „он было писал“ и т. д. Нечто подобное некогда существовало и в мордовском языке, что привело в свое время к образованию так называемого прошедшего длительного времени, например, *молилинь* „я шел“, *ловнылинь* „я читал“, где суффикс *ыли (или)* восходит к основе вспомогательного глагола *улемс* „быть“; *сокилинь* „я пахал“ имело некогда форму *соки ульнинь* „я был пашущим“. Однако употребление этих сложных прошедших времен настолько нерегулярно, случайно и неотработано, что здесь нельзя даже и говорить о существовании какой-либо устойчивой закономерности. Все подобного рода явления, не связанные с основными линиями развития языка, нельзя соотносить с внутренними законами его развития.

Благодаря целостному характеру языка между отдельными сферами языка и их внутренними законами развития устанавливается взаимодействие. Ярко выраженная тенденция к ограничению сферы употребления винительного падежа за счет партитива, наблюдаемая в современном финском языке, есть результат взаимодействия целого комплекса других закономерных тенденций, к которым относятся: 1) стремление к морфологическому выражению партитивного дополнения; 2) стремление к использованию партитива в роли усиления отрицания, например, *en lukenut tätä kirjaa* — „не прочитал эту книгу“, т. е. не прочитал даже части ее содержания; 3) своеобразная тенденция к выражению посредством партитива видовых различий, например, *luen sanomalehtiä* „читаю газету“, и целый ряд других тенденций, относящихся к сферам морфологии, синтаксиса и лексики.

Упорное стремление к сохранению разноместного ударения является одним из внутренних законов развития русского языка, отличающих его, скажем, от таких славянских языков, как польский и чешский, но этот закон, в свою очередь, поддерживается стремлением к использованию ударения в роли смыслоразличительного средства.

Различная степень продуктивности отдельных основообразующих суффиксов в индоевропейских языках, например, малочисленность группы слов с основами на -и при продуктивности основ на -о и -а,

оказала непосредственное влияние на процесс униформации основ, а в некоторых из индоевропейских языков (ср. германские языки) определила и победу того или иного класса в этом процессе.

Вместе с тем встречаются случаи, когда невозможно обнаружить прямую причинную связь между процессами в различных сферах языка. Так, например, не могут быть поставлены в какую-либо причинную связь с внутренними законами других сфер языка такие внутренние законы фонетики некоторых языков, как тенденция к спирализации, наблюдавшаяся в развитии греческого языка, выразившаяся в превращении древних *d* и *th* в межзубные спиранты *ð* и *v*, аффрикаты *dz* в *z*, *b* в *v*, *kh* в *x*, *ph* в *f*, тенденция к расширению некоторых древних гласных в истории чувашского языка, тенденция к сохранению глухого начала слова, наблюдаемая в финском языке, и др., что заставляет предполагать о наличии в языке некоторых автономных в своем развитии тенденций.

В термин „внутренний закон“, как справедливо замечает академик В. В. Виноградов, „нельзя вкладывать количественно- и качественно-измерительный смысл и различать более внутренние, менее внутренние и самые внутренние законы развития языка — в зависимости от того, в каких сферах языковой структуры эти законы действуют. В таком случае неизбежно окажется, что законы, охватывающие словарный состав, в котором, как известно, прямо и непосредственно отражаются самые разнообразные факты и явления общественной жизни, следует подвести под категорию „недостаточно внутренних“ или „относительно внутренних“; законы, управляющие развитием основного словарного фонда, придется считать „средневнутренними“, и только к законам развития грамматического строя дозволительно приложить ярлык — „абсолютно внутренних“.¹

Следует различать внутренние законы развития языка и правила функционирования языка, поскольку первые являются законами динамики языка, вторые же устанавливают действующие языковые нормы и могут быть в этом смысле статичными. Отождествление внутренних законов развития языка с нормами и правилами языка было бы неверно также и потому, что само правило, обычно являясь выражением или результатом внутреннего закона, почти никогда не охватывает его целиком.

Поясним этот тезис некоторыми конкретными примерами. Образование имперфекта от немецкого глагола *kommen* „приходить“, как „пришел“ есть своего рода грамматическое правило. Это правило является, однако, результатом действия некогда существовавшего в немецком языке внутреннего закона его развития, выразившегося в тенденции к использованию чередования гласных в роли грамматического средства.

Окончание формы третьего лица единственного числа имперфекта греческих глаголов Σ тоже грамматическое правило, но оно есть результат некогда действовавшего в греческом языке фонетического закона, выразившегося в тенденции к вокалическому исходу конца слова, ср. греческое $\Sigma\epsilon\rho\rho\Sigma$ „он нёс“ и древнеиндийское *abharat*.

¹ В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания. Журнал „Вопросы языкознания“, 1952 г., № 2, стр. 29.

Образование форм родительного падежа ед. числа от таких финских слов, как *vesi* „вода“, род. и. *veden*, *lehti* „лист“, род. и. *lehden*, *koski* „порог“, род. и. *kosken* представляет весьма важное практическое правило. Однако это правило является отрицанием некогда действовавшего в финском языке внутреннего закона развития его фонетики, выражавшегося в тенденции к сужению конечных гласных, в результате чего древнее *vele* „вода“ превратилось в *vet'i*, затем в *vesi*.

Обязательная постановка глагола в конце предложения в литературном турецком языке есть правило. Но это правило представляет лишь частное проявление внутреннего закона развития синтаксиса турецкого языка, выражающегося в общей тенденции к препозиции всякого рода определительных и обстоятельственных характеристик существительного и глагола. Поэтому неправы те лингвисты, которые отождествляют внутренние законы развития языка с его грамматическими правилами, не говоря уже о том, что не все правила отражают действующие в настоящее время внутренние законы развития языка. Однако неправы в свою очередь и те, кто отрывает правила и нормы функционирования языка от его внутренних законов развития: приведенные выше примеры указывают на их тесное единство.

Внутренние законы развития каждого языка исторически изменчивы и преходящи. Внутренний закон возникает, действует в течение более или менее продолжительного срока и затем утрачивает свое действие.

Так, например, в истории персидского языка некогда действовал закон разрушения древних основ имен существительных. В современном персидском языке этот закон уже не действует, так как древние основы и даже само склонение имен существительных фактически исчезли. В языке, являющемся предком армянского языка, несомненно действовал закон разрушения конца слова: ср. армянское *noğ* „новый“ и греческое *νέος*, армянское *kin* „женщина“ и греческое *γυνή*, русское *жена* и т. д. В современном армянском языке этот закон уже не действует. Падение редуцированных несомненно некогда было внутренним законом развития русского языка. В настоящее время этот закон уже не действует, и т. д.

Поэтому в системе каждого конкретного языка можно обнаружить явления, представляющие результаты действия некогда существовавших внутренних законов, действующие внутренние законы и явления, представляющие зарождающиеся внутренние законы развития языка.

Исторические смены одного внутреннего закона другим подчинены общему закону развития языка, заключающемуся в постепенном накоплении элементов нового качества и постепенном отмирании элементов старого качества. Смена одного внутреннего закона другим не представляет акта решающего удара. Она подготавливается медленно и постепенно. Так, например, внутренний закон разрушения древних основ, полностью завершившийся во французском языке, подготавливался медленно и постепенно еще в латинском языке-основе.

Характер внутренних законов развития конкретных языков и их своеобразие связаны с качеством структуры данного языка. И. В. Сталин учит, что развитие языка происходит путем развертывания и совершенствования элементов существующего языка. Поэтому характер внутренних законов развития конкретного языка и их

своеобразие связаны с состоянием структуры данного языка. Характер и направление внутренних законов развития конкретного языка в значительной мере определяются характером системы его материальных средств. Так, например, использование грамматического аблаута не могло возникнуть в удмуртском языке, поскольку корень слова в удмуртском языке отличается исключительной прочностью и не допускает никаких внутренних перегласовок.

В современном венгерском языке наблюдается довольно ярко выраженная тенденция к использованию глагольных приставок для выражения совершенности действия. Возникновение этого закономерного процесса в значительной мере было подготовлено созданием особой категории наречных конкретизаторов глагола, превратившихся впоследствии в глагольные приставки. Подобное явление не могло возникнуть в коми языке, поскольку состояние структуры этого языка не создавало благоприятных условий для его возникновения.

В русском языке старая система склонения существительных оказывает сильное сопротивление развитию аналитического элемента, так как формы словоизменения у имен существительных впаяны в их словообразовательную лексическую структуру;¹ этим определяется своеобразие форм развития склонения имен в русском языке.

Внутренние законы развития языка, испытывая давление системы, в то же время укрепляют ее и способствуют более или менее длительному сохранению ее качества. Чрезвычайно важную роль здесь играет то, что сформировавшиеся внутренние законы развития языка и система его материальных средств обычно образуют гармоничное функционирующее целое. Внутренние законы развития языка определяют общую направленность изменений структуры языка, они обуславливают (в плане материалистической диалектики) форму и характер того нового, что создается в структуре языка, однако сами по себе они не являются причиной развития языка. Основой развития языка является его собственная структура, характерные и специфические для этой структуры противоречия. Именно эти противоречия образуют внутреннюю причину изменения языковой структуры. Вместе с тем язык как общественное явление неразрывно связан с историей народа, носителя и творца этого языка. И. В. Сталин неоднократно подчеркивает значение внеязыковых факторов для развития языка: "...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка".²

Марксистское учение о взаимосвязи, взаимодействии явлений приобретает специфическую форму в разрешении вопроса о связи развития языка с историей народа, создавшего этот язык. Никким образом нельзя преуменьшать роль развития общества, развития культуры, расширения самих сфер общения и осложняющихся потребностей общения, которые являются внешней определяющей причиной развития языка. Но то, что каждый язык, отражая эти нужды общества, по-разному пополняет свой словарь новыми словами и по-разному совершенствует свой грамматический строй, обусловлено

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 177.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

спецификой его внутренних законов развития, порожденных характером его структуры.

Из круга проблем, относящихся к изучению внутренних законов развития языка, был выделен вопрос о характере и особенностях внутренних законов развития группы языков, объединенных признаками родства.

Выделение этого вопроса и исследование влияния языкового родства на внутренние законы развития языков одной группы или семьи обусловлены двумя общими положениями:

1) признанием зависимости внутренних законов развития любого языка от его исторически сложившейся структуры и 2) пониманием языкового родства как генетической общности языков, принадлежащих к одной семье или группе.

В связи с этими двумя положениями, из которых лишь первое касается общей характеристики внутренних законов развития языка, тогда как второе уточняет понятие родства языков, была поставлена специальная задача: исследовать, в какой степени наличие у группы родственных языков исконных общих структурных элементов отражается на внутренних законах развития отдельных языков этой группы, на развертывании и совершенствовании элементов структуры каждого из родственных языков.

Решение этой задачи в применении к специфике конкретных языковых групп и семей должно войти в дальнейшем в круг обязательных вопросов сравнительно-исторического изучения родственных языков, что поможет не только более глубокому пониманию сущности языкового родства, но и всестороннему исследованию природы внутренних законов развития языка. Однако уже в настоящее время можно сформулировать некоторые общие положения, касающиеся специфики внутренних законов развития родственных языков.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков позволяет установить известную близость внутренних законов развития этих языков. Эта близость проявляется в структурных типах, в средствах, характерных для развития словообразовательной системы каждого из родственных языков, в развитии их грамматического строя, в фонетических процессах. Примером такой близости внутренних законов развития фонетического строя может служить падение глухих в славянских языках, не только обусловившее ряд более частных изменений звуковой стороны этих языков, но повлиявшее и на древнюю морфологическую структуру слова: ср. в частности влияние падения глухих на перестройку старой системы склонения славянских языков. В области грамматического строя можно указать на общность внутреннего закона развития глагольной системы в славянских языках с характерным для развития всех этих языков переходом от древнего индоевропейского типа презенс-аорист-перфект в конечном итоге к видовым противопоставлениям совершенный — несовершенный вид. Закономерные линии развития, начало которых восходит еще к финно-угорскому языку-основе, наблюдается и в современных финно-угорских языках. Так, например, всем финно-угорским языкам свойственна тенденция к утрате конечного гласного основы в именительном падеже единственного числа (тенденция, не завершившаяся еще полностью в прибалтийско-финских языках), упорное сохранение схемы прошедшего времени на *i*, если не считать некоторых аналитических форм прошедших времен и нерегулярного выражения будущего вре-

мени аналитическим способом, и другие, типичные для финно-угорских языков особенности их развития.

Эта общность внутренних законов развития родственных языков может проявляться как в судьбе категорий, унаследованных еще от языка-основы, так и в оформлении новых структурных единиц.

Так, например, общие процессы характеризуют в славянских языках развитие старой системы склонения, унаследованной в своих древних чертах еще от эпохи индоевропейской общности, тогда как развитие новой системы аналитических глагольных форм, в свою очередь имеющее место во всех славянских языках, представляет для этих языков уже новые структурные явления.

Благодаря целостному характеру языка, изменения старых категорий и оформление новых структурных единиц тесно взаимодействуют, но в то же время каждый из этих процессов имеет свои особенности и сама природа общности в обоих случаях не тождественна.

Общность внутренних законов родственных языков проявляется не только в общности отдельных внутренних законов развития фонетики, морфологии, синтаксиса и т. д., но и в общности самой взаимосвязи внутренних законов развития различных сфер языка. Особенно наглядно это наблюдается в славянских языках, где такой внутренний закон развития фонетической системы этих языков, как падение редуцированных, был связан со сложными процессами изменений морфологической структуры этих языков. Точно так же в германских языках внутренний закон развития фонетической системы этих языков — редукция безударных слогов — оказал довольно сильное и непосредственное влияние на скорость протекания морфологических процессов, на изменение старой системы склонения и спряжения, хотя редукция безударных слогов не может рассматриваться как первопричина этих изменений.

Отдельные языки, обособившиеся после распада языка-основы, в течение долгого времени обнаруживают близость внутренних законов развития. Однако эта близость никогда не представляет абсолютного тождества и реализуется в каждом из родственных языков в довольно своеобразной и самобытной форме. Несмотря на наличие преимущественно сохраняемой структурной близости, каждый язык обладает довольно своеобразными путями, что в первую очередь зависит от основного факта изолированного существования родственных языков. Как бы далеко мы ни углублялись в историю славянских, германских или в более широком плане в историю индоевропейских или каких-либо других семей языков, мы не находим абсолютного тождества их основного словарного фонда и грамматического строя. Это объясняется тем, что, очевидно, уже имеющиеся расхождения между отдельными диалектами языка-основы, которые в дальнейшем увеличивались в ходе исторического развития этих языков в связи с конкретными историческими условиями, в известной мере определили специфику развития каждого языка в отдельности. Происходившие в условиях этого изолированного развития столкновения с различными языками, не нарушая основных линий развития, могли оказывать известное влияние на формирование структурных моделей того или иного языка, а иногда и на развитие его фонетической системы. Так, например, один из индоевропейских языков — латышский язык — в ходе своего исторического развития подвергался довольно сильному

влиянию западнофинских языков, в особенности языка ливов. Это влияние оставило некоторый след в латышском языке: разноместное ударение, типичное для древних индоевропейских языков, в латышском языке сменилось фиксированным ударением на первом слоге, ср. литовское *galvą* „голова“, латышское *gálva*, литовское *atvirti* (с ударением на последнем слоге) „отворить“, латышское *átvirt'*, литовское *širdis* (с ударением на последнем слоге) „сердце“, латышское *sirds*; появились некоторые общие черты мелодики речи и особое сонорное произношение некоторых гласных, сближающее латышский язык с современным эстонским языком, утвердилось фиксированное положение родительного падежа не после, а впереди относящегося к нему слова, как в финно-угорских языках, например: *Briiviiba iela* „улица Свободы“ (буквально: „Свободы улица“), появились даже некоторые аналоги финно-угорских падежей, главным образом в окончаниях некоторых наречий, например, латышское *lejūr* „вниз“, литовское *vakagor* „к вечеру“ и т. д.

Западнофинские языки в своей истории на протяжении, повидимому, значительного периода сталкивались с индоевропейскими языками балтийской группы. Такое взаимодействие не прошло абсолютно бесследно и для западнофинских языков. Особенно заметно это влияние сказалось в эстонском языке. Так, повидимому, под влиянием балтийских языков эстонский язык утратил притяжательные суффиксы. Финские формы типа *kirjani* „моя книга“, *kirjasi* „твоя книга“, *kirjansa* „его книга“ в эстонском языке фактически невозможны. Особенно показательным в этом отношении является наличие в эстонском языке косвенного склонения (*modus ulativus*), например, *tema kirjutavad* — „будто он пишет“ или „говорят, что он пишет“, совпадающего по значению с латышским пересказочным склонением, например, *gans ganot* „говорят, будто пастух пасет“. Один из финно-угорских языков — марийский, развивающийся по соседству с чувашским языком, подвергся значительному влиянию последнего, в результате чего возник целый ряд структурных особенностей, присущих обоим языкам. В области фонетики это влияние выразилось в появлении некоторых общих закономерностей ударения в чувашском и марийском языках. Если в чувашском и марийском языках последний слог слова оканчивается на редуцированный гласный, то ударение обычно падает при этом на нередуцированный гласный предпоследнего слога; если оба последних слога содержат редуцированные звуки, то ударение падает на третий от конца слог. Под влиянием марийского языка чувашский язык утратил звонкое начало слова, ср. татарское *бар* „есть“, в значении „имеется“ чувашское *пур* и т. д. Притяжательные суффиксы в чувашском и марийском языках располагаются перед окончанием множественного числа, например, чувашское *лашисем* „их лошади“, марийское *иннеже-влак*, тогда как в соседнем татарском и угро-финских языках пермской группы они располагаются после окончания множественного числа, ср. татарское *атлары* „их лошади“, коми *колхозлэн мбсьясис* „коровы колхоза“, удмуртское *лудьёссы* „их поля“. В марийском и чувашском языках появились две формы числительного — полная и краткая, чего нет в соседних с ними языках; ср., например, марийское *ныл* „четыре“ (краткая форма) и *нылыт* — „четыре“ (полная форма). Поразительные черты сходства наблюдаются в структуре прошедших времен чувашского и марийского языков, а также в особенностях их употребления. Возникающая

в этой связи проблема влияния побежденного языка или языков смежных по территории распространения не получила, однако, достаточного освещения в ходе дискуссии.

По всей видимости, побежденный язык или язык, оказывающий влияние, лишь способствует ускоренному протеканию процессов, заложенных в языке, подвергающемся влиянию. Так, например, в западно-финских языках — эстонском и финском — оформились два сложных прошедших времени — перфект и плюсквамперфект, образуемые из причастия прошедшего времени спрягаемого глагола и вспомогательного глагола „быть“, ср., например, финское *minä olen kirjoittanut* „я написал“ (перфект) и *minä olin kirjoittanut* „я написал раньше“ (плюсквамперфект), эстонское *minä olen lugenud* „я прочитал“ и т. д. Весьма вероятно, что эти формы сложились под влиянием индоевропейских языков, вероятнее всего — шведского, а может быть, даже и балтийских, где имеются соответствующие структурные образцы, ср. шведское *han har kallat* „он позвал“, а также латышские сложные времена *es esum dzeeris* „я напился“ и *es biju dzeeris* „я напился раньше“.

Однако сравнение с другими финно-угорскими языками говорит о том, что в самих финно-угорских языках строительный материал уже был, ср. марийские формы *лудам ыле* „читаю бывало“, *лудынам ыле* „читал бывало“, или удмуртское *ыбылэ вал* „он стрелял“, *шедтисько вал* „я находил“, также в коми *мунб волі* „он ходил“ и т. д. Влияние других языков, очевидно, в данном случае только помогало оформлению сложных прошедших времен в западнофинских языках. При этом нужно отметить, что иноязычное влияние в целом не нарушает основных линий развития каждого языка. Несмотря на влияние различных языков многие финно-угорские, индоевропейские, тюркские и другие языки не утратили многих общих черт своего развития. Различие внутренних законов каждого языка в отдельности определяется их обособлением друг от друга. Общие черты развития этих языков выступают в индивидуально оформленной системе материальных средств каждого языка.

Этим и объясняется тот факт, что внутренние законы каждого из родственных языков, несмотря на наличие общих черт, обладают известной спецификой. Так, например, развитие морфологии в финно-угорских языках обнаруживает ряд общих тенденций. Однако в каждом из этих языков эти тенденции проявляются далеко не одинаковым образом в характере изменения структуры словообразовательных и словоизменительных форм. Общая почти для всех финно-угорских языков тенденция к развитию местных и обстоятельственных падежей в системе склонения отразилась в ряде языков по-разному в том отношении, что некоторые из падежных аффиксов финно-угорского языка-основы, выражающих различные локальные отношения, были по-разному использованы. Так, например, древний *n*-овый локатив финно-угорского языка-основы в одних из финно-угорских языков, например, в пермских, получил довольно широкое распространение, ср. коми-зырянское *карын* „в городе“, удмуртское *лудын* „в поле“, тогда как в венгерском языке он был использован для выражения суперессива, например, *lovon* „на лошади“, а в таких языках, как мордовский и марийский, сохранился лишь спорадически в некоторых наречных формах. Древний суффикс *t*-ового аблатива наибольшую продуктивность получил в финском языке, где на его основе возник так называемый партитив, например, *vettä* — партитив от слова *vesi*

„вода“, *verta* — паритив от слова *veri* „кровь“. Так же широко распространен древний аблатив и в мордовском языке, например, *кудодо* „из дома“, тогда как в марийском языке окончание этого падежа в сильно деформированном виде встречается только в некоторых послелогах, например, *чодра гыч* „из лесу“, где *ч* из *д*. Для образования различных локальных падежей западнофинские и пермские языки широко использовали первоначально словообразовательный элемент *l* (*la*), встречающийся в названиях местностей, например, *Kalevala* — местожителство Калевы, а также в таких топонимических названиях, как Шурскола, Кижмола, Кегрола, Юрола и т. д. Этот элемент находится в составе финского адессива, например, *рöydällä* „на столе“, аблатива, например, *talolta* „от дома“, аллатива, например, *seinälle* „на стену“, а также в составе многих падежей удмуртского и коми языков, например, в коми языке *мортлön* „человека“, *мортлы* „человеку“, *мортлань* „к человеку“, *мортлысь* — „от человека“ и т. д. Однако этого элемента *l* мы совершенно не находим, например, в таких языках, как мордовский и венгерский.

Венгерский язык, сохраняя ту же направленность к многопадежности, пошел по несколько иному пути и развил довольно богатую систему падежей за счет превращения в падежные формативы довольно большого количества некогда знаменательных слов из собственного словарного состава.

Даже такая типичная для финно-угорских языков тенденция, как стремление к выражению многократности и мгновенности действия при помощи специальных суффиксов при полном безразличии к выражению совершенности и несовершенности действия, осуществлялась в различных финно-угорских языках различными способами. В пермских языках особо продуктивным оказался суффикс *l*, выражающий повторность или многократность действия, например, в коми *мунлис* „он шел“ или „ходил“ (неоднократно), в удмуртском *лыдзылиз* „он читал“ (много раз). Этот же элемент довольно хорошо представлен в финском языке, например, *pensaat raksahelivat* „кусты хрустели“ (неоднократно); в марийском языке продуктивность этого суффикса значительно ниже, а в венгерском языке он почти отсутствует.

Общая для всех финно-угорских языков тенденция к утрате в именительном падеже древнего конечного гласного двусложных основ также выражалась не всегда абсолютно одинаково. Так, например, финского языка эта тенденция коснулась лишь частично. В ряде случаев она проявилась специфическим образом, путем сужения конечного гласного, ср. например, *uus* „новый“, из *uute*, ср. мордовское *од*; а в эстонском языке и этот конечный гласный исчез, ср. эстонское *uus* „новый“, в вепском *уз'* „новый“.

Развитие морфологии имен существительных в индоевропейских языках обнаруживает также ряд общих тенденций, которые, однако, проявлялись не одинаковым образом в характере изменения структуры словоизменительных и словообразовательных форм отдельных языков этой семьи.

В области словоизменения общим являлось стирание старого принципа деления классов склонения по основообразующим суффиксам, обусловленное рядом морфологических, фонетических и семасиологических факторов, что вело к различным формам обобщения и укрупнения старых классов. Однако в разных языковых группах индоевропейской семьи процесс этот протекал различно: так, в сла-

вянских языках происходило слияние различных классов в один общий тип (ср., например, слияние имен существительных мужск. и ср. рода основ на *-o*, *-u*, *-i* в один тип склонения), в германских языках изменение шло по преимуществу путем поглощения более продуктивными классами склонения менее продуктивных (ср. поглощение классом *-o* основ мужск. и ср. рода основ на *-I*, *-U* в древне-немецком и древнеанглийском).

Эти общие явления в развитии всех индоевропейских языков не ограничивались системой именного склонения, но характеризовали и развитие глагольного строя. В своей совокупности они были лишь проявлением общего внутреннего закона развития морфологии индоевропейских языков, знаменовавшего дальнейшую ступень грамматической абстракции и обобщения.

Даже такие более ограниченные внутренние законы развития языка, как падение глухих в славянских языках, осуществляются в отдельных языках этой группы по-разному. Ср., например, вызванное падением глухих и с ним связанное противопоставление твердых и мягких согласных, наличествующее только в восточных и западных славянских языках и особенно ярко проявившееся в русском, и т. п.

При общности самих тенденций развития конкретный отбор частных явлений в отдельных языках дает значительные расхождения. В качестве примера можно указать на развитие аналитических временных форм в германских языках, где общим является не только процесс становления аналитических форм на базе свободных синтаксических сочетаний, но и сами стандартные типы сочетаний. Однако при этом в разных германских языках в конечном итоге произошел различный отбор имеющихся возможных сочетаний; к тому же эти аналитические формы составляют в разных языках различные системы. Аналитические временные формы германских языков не дают полного совпадения ни в своей структуре, ни в своем значении: так, например, при образовании аналитических форм будущего времени в английском и немецком языках были выбраны различные вспомогательные глаголы, ср. английское *I shall write* „я буду писать“ и немецкое *Ich werde schreiben*. Не меньшее разнообразие наблюдается и в финно-угорских языках. Для выражения некоторых аналитических форм будущего времени финский язык употребляет глагол *tulla* „приходить“, например *hän tulee rakentamaan* „он будет строить“, коми-зырянский язык прибегает в этих случаях к глаголу *кутны* „приниматься“, например, *билетьяссö кутысны вузавны* „билеты будут продаваться“, а мордовский язык для выражения аналитических форм будущего употребляет глагол *кармаис* со значением „начать“, например, *мон карман молеме* „я пойду“.

Далеко не ясным остается вопрос, чем определяется в каждом конкретном языке отбор известных структурных элементов из имеющихся в данном языке потенциальных возможностей. А между тем этот процесс имеет непосредственное отношение к самобытности внутренних законов развития родственных языков.

Общность внутренних законов развития родственных языков не представляет собой чего-то постоянного и неизменного. Напротив, она исторически изменчива. Как общее положение можно отметить, что чем ближе к языку-основе, тем более ясно выступает общность внутренних законов развития родственных языков, чем длительнее обособленное развитие отдельных языков, тем сильнее различия.

Однако это положение отнюдь не охватывает всего разнообразия реальных закономерностей. Так, например, в связи с наличием общих структурных возможностей не исключено в позднейшей истории родственных языков появление общих внутренних законов развития языка. Общность внутренних законов развития родственных языков не является каким-то случайным совпадением или простым параллельным развитием, обусловленным, например, спецификой языка вообще. Эта общность, ограниченная пределами одной группы или семьи, порождена структурой языка-основы. Так, общность форм развития древней системы индоевропейского склонения в латыни, славянских, германских языках была обусловлена характером этой системы еще в языке-основе. Следовательно, общность внутренних законов развития родственных языков является лишь результатом их генетической общности.

Влияние генетической общности на характер внутренних законов развития родственных языков может принимать различные формы. Так, например, некоторые тенденции развития могут быть уже оформлены в эпоху, предшествующую обособлению отдельных языков; в этом случае каждый из родственных языков наследует эти тенденции, приобретающие затем, в ходе обособленного развития, свои индивидуальные черты. В качестве примера можно указать на редукцию безударных слогов в германских языках. Не только изменение типа ударения, но и многие процессы, связанные с разрушением безударных слогов, определились еще до обособления отдельных германских языков (ср., например, отпадение гласных *a*, *e* в абсолютном конце слова, отпадение носовых и т. д.); затем они были унаследованы отдельными германскими языками, как внутренний закон их развития, хотя в дальнейшем, в процессе индивидуального развития германских языков, этот общий внутренний закон развития получал различное преломление; различествовала интенсивность редукции, различествовала редукция отдельных гласных и т. д. Однако нередко общность внутренних законов развития родственных языков возникает уже в эпоху их обособленного существования. В этом случае структура языка-основы лишь создает предпосылки для появления сходных закономерностей в обособленном развитии родственных языков.

Конечно, далеко не всегда можно четко определить — оформлялся ли тот или иной внутренний закон развития уже в языке-основе и был лишь унаследован отдельными родственными языками, или близкие внутренние законы развития возникли только в эпоху обособленного существования родственных языков, поскольку даже если имеет место второй случай, предпосылки этой общности внутренних законов развития родственных языков точно так же заложены в древней структуре языка-основы.

Разграничение различных форм влияния генетической общности на внутренние законы развития родственных языков нередко затруднительно и в связи с неясностью и спорностью многих вопросов, относящихся к характеристике структуры языка-основы этой семьи или отдельных более мелких языковых групп. Несмотря на эти трудности, подобная попытка разграничения оказывается необходимой для более полной характеристики различных форм влияния генетической общности языков на внутренние законы их развития.

Таковы те положения, которые можно считать общепринятыми.

В то же время ряд проблем, относящихся к области внутренних законов развития языка, не получил в ходе дискуссии надлежащего разрешения. При этом одни из таких проблем совсем или почти совсем не были затронуты, по другим же проблемам были высказаны разными учеными различные и противоречащие друг другу соображения. Дальнейшая разработка этих проблем является поэтому одной из важнейших задач советского языкознания. Основные из этих проблем следующие:

1. В труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ неоднократно подчеркивается неразрывная связь языка и мышления. Так, говоря о характерных признаках языка, И. В. Сталин указывает на то, что „будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе“.¹ Отсюда явствует, что плодотворная разработка проблемы внутренних законов развития языка возможна лишь при учете неразрывного единства языка и мышления. В этой области пока сделано очень мало.

2. И. В. Сталин учит, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.² Поэтому вопрос о соотношении внутренних законов развития данного языка является одним из важнейших вопросов науки о языке. Однако в появившихся до настоящего времени статьях, а также в выступлениях на дискуссии этот вопрос не получил надлежащего освещения. Здесь речь идет об истории отдельных конкретных языков, о связи исторического развития этих языков с историей соответствующих народов и о том, в какой мере видоизменения, происшедшие в сфере внутренних законов развития языка, могут быть связаны с особенностями исторического развития соответствующих народов. В связи с этим встает вопрос о том, в какой мере вообще внешние импульсы могут преобразовать внутренние законы развития языка.

3. Не получил должного освещения на дискуссии и ряд проблем, связанных с уточнением понятия самих внутренних законов развития языка, с определением границ их действия и т. п.

На дискуссии было высказано положение о том, что не всякое отдельное частное изменение, происшедшее в языке, должно быть отнесено к области действия внутренних законов развития языка. Основываясь на том, что специфику языка составляет грамматический строй и основной словарный фонд, некоторые лингвисты считают, что из фонетических изменений должны быть соотнесены с внутренними законами развития языка лишь те явления, которые играют определенную роль в развитии грамматического строя и словарного состава: так, например, в области германских языков таким изменением является изменение ударения, в области славянских языков — установление (еще в эпоху общеславянского языка-основы) так называемого закона открытых слогов. И, с другой стороны, якобы не могут быть отнесены к области действия внутренних законов развития

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Там же.

языка такие звуковые явления, которые остаются только в области фонетики и не играют никакой роли для развития грамматического строя или словарного состава. В такой трактовке этого вопроса иногда забывается то обстоятельство, что многие частные изменения, происходящие в языке, особенно если они носят регулярный характер, представляют собой проявление некоторых более общих закономерностей, а с другой стороны, сами эти более общие закономерности складываются на основе различных изменений. При этом одни и те же по природе фонетические изменения в одних случаях отражаются, а в других не отражаются на развитии грамматического строя.

В связи с этим должна быть решена проблема — все ли регулярные изменения в языке относятся к области действия внутренних законов развития языка и представляют собой проявление их.

4. Различные частные изменения в языке представляют собой, как уже было сказано, проявления более общих закономерностей и, с другой стороны, изменения более общего порядка осуществляются на основе ряда более частных изменений, являющихся порою следствием этих более частных изменений. Так, например, различные частные случаи процессов униформации склонения, приводящие к объединению различных их типов на протяжении истории русского языка, а также и других славянских языков, представляют собой проявление общей закономерной тенденции к выражению одними и теми же морфологическими средствами одних и тех же синтаксических отношений, в основе которой лежит обобщающий, абстрагирующий характер грамматики, которая „берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложении...“¹ С другой стороны, такая общая, например, фонетическая закономерность, сыгравшая большую роль и в развитии грамматического строя, как установившийся в общеславянском языке-основе и продолжающий действовать в истории отдельных славянских языков раннего периода закон открытых слогов сложился на основе ряда частных и разновременных фонетических изменений.

В связи с этим встает вопрос об „иерархии“ внутренних законов развития языка, о взаимоподчинении различных закономерных изменений языка.

5. На дискуссии был поставлен вопрос об отношении внутренних законов развития языка к правилам его функционирования на определенном историческом этапе. Для советского языкознания неприемлем тот разрыв между явлениями синхронии и диахронии, который характерен для большинства современных зарубежных лингвистов, теоретические воззрения которых восходят к де-Соссюру. Нисколько не отрицая важности изучения системы любого языка в данный момент его существования, следует помнить, что соответствующее состояние языка представляет определенный этап в его закономерном историческом развитии. Историческое же развитие языка осуществляется на основе его внутренних законов. Однако вопрос о том, как связано состояние языка с внутренними законами его развития, не получил надлежащего разрешения и требует дальнейшей разработки.

6. Как на дискуссии по конкретным законам развития языка, так и в различных статьях, опубликованных до и после дискуссии, речь шла главным образом о грамматическом строе (морфология и синтак-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

сис) и фонетике, но совершенно не ставился вопрос о внутренних законах развития языка в области лексики в применении к развитию основного словарного состава в целом. Исследование внутренних законов развития словарной стороны языка является поэтому одной из насущных задач советского языкознания.

7. Важной задачей является исследование отношений внутренних законов развития языка к скрещиванию различных и разнородных языков, так как „при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает“.¹ Но в то же время отдельные элементы (некоторые слова, некоторые словообразовательные средства, некоторые особенности синтаксических конструкций, некоторые фонетические особенности) из языка побежденного входят в язык-победитель. В связи с этим встает вопрос, также до настоящего времени не получивший разрешения, как воздействие побежденного языка, т. е. языка-субстрата, может, хотя бы в какой-то незначительной мере, отразиться на изменении внутренних законов развития победившего языка.

8. Сложной проблемой, подлежащей исследованию, но до сих пор почти не затронутой, является вопрос о наличии однородных законов развития в языках неродственных, иными словами, вопрос о возможном параллелизме закономерного развития в различных неродственных языках. Однородные закономерные изменения наблюдаются в языках различных семей. Так, например, преобразование результатов изменений фонетического характера в морфологическое средство широко представлено в индоевропейских языках, начиная с общиндоевропейского языка-основы и кончая сравнительно поздними периодами исторического развития отдельных языков (ср., например, общиндоевропейское чередование гласных *e/o*, получившее морфологическое использование в системе глаголов). Подобное же преобразование фонетических изменений в морфологическое средство наблюдается также в угро-финских языках (ср., например, связанное с удвоением коренного согласного образование множественного числа в коми-пермяцком языке и т. п.). Возникает вопрос о том, в какой мере подобные процессы соотносятся с внутренними законами развития названных языков.

9. Изучение языкового родства является особо важным для изучения законов развития языка. Следовательно, плодотворное сравнительно-историческое изучение родственных языков одной группы или семьи невозможно без сравнительно-исторического изучения внутренних законов развития соответствующих родственных языков. Поэтому сравнительно-историческое изучение внутренних законов развития родственных языков должно стать неотъемлемой частью сравнительно-исторического языкознания, какой бы группой или семьей языков оно ни занималось; именно сравнительно-историческое изучение внутренних законов развития родственных языков конкретной группы или семьи должно раскрыть закономерности их развития и тем самым преодолеть эмпиризм, характерный для прежних работ по сравнительному языкознанию.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

10. Поскольку различные конкретные языки характеризуются своеобразием внутренних законов своего развития, особое значение приобретает изучение и определение внутренних законов развития отдельных языков, без которого невозможно построение истории конкретных языков не должна исходить из внеязыковых факторов, она должна строиться на основе внутренних законов развития данного языка.

11. Должен быть подвергнут исследованию характер внутренних законов развития диалектов одного языка, имея в виду то, что диалекты подчинены общенациональному языку, как низшие формы высшим. Здесь особенно важным является вопрос о том, в какой мере специфика взаимосвязей диалектов одного языка и возможность концентрации диалектов при образовании национального языка связаны с характером общности их внутренних законов развития. Внутренние законы развития, объединяющие различные диалекты одного языка, обычно имеют больше общего, чем внутренние законы развития даже близко родственных языков. Так, например, для такого языка, как русский, характеризующегося очень большой взаимной близостью входящих в его состав диалектов, трудно даже указать закономерности более или менее общего характера, которые не охватили бы в какой-то мере всех диалектов: решительно во всех русских диалектах и в одном и том же направлении изменился общий характер акцентной системы, во всех диалектах имело место разрушение старой системы времен, и даже такое крупное фонетическое изменение, как *аканье*, охватывающее лишь часть русских диалектов, представляет собой лишь частный случай изменения безударного вокализма, проходящего в какой-то мере по всем диалектам. Этот общий характер внутренних законов развития диалектов одного языка, несомненно, должен быть учтен, когда мы рассматриваем процессы конкретизации диалектов, ведущую роль в этом процессе какого-либо одного диалекта, лежащего в основу национального языка (как это было, например, с курско-орловским диалектом, легшим в основу русского национального языка), когда мы рассматриваем отношения к этому диалекту других диалектов, теряющих свою самобытность, вливаясь в национальный язык и исчезая в нем.

Изложенным далеко не исчерпывается круг тех проблем, которые в первую очередь подлежат разрешению на основе сталинского учения о внутренних законах развития языка. Но даже и перечисленные вопросы с предельной ясностью свидетельствуют о важности и широте проблем, связанных с внутренними законами развития языка. Проблема внутренних законов развития языка является одним из основных компонентов марксистской науки о языке: она служит основой решения всех вопросов исторического языкознания.